

НЕВЫНОСИМО БЛИЗКО

Алеся Кроу

Невыносимо близко

«Автор»

2026

Кроу А.

Невыносимо близко / А. Кроу — «Автор», 2026

Иногда между двумя людьми — всего одна стена, несколько шагов по лестничной площадке и слишком много невысказанных слов. Алина привыкла к спокойной жизни, в которой нет места неожиданностям. Но знакомство с загадочным соседом нарушает привычный порядок и заставляет её иначе взглянуть на собственные чувства. Случайные встречи, острые разговоры и странное притяжение постепенно стирают границу, которую она так старательно выстраивала. Ведь порой человек, которого боишься подпустить ближе, уже находится на расстоянии одной двери.

© Кроу А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Алеся Кроу

Невыносимо близко

Глава 1

Жара держалась четвёртый день — плотная, неподвижная, как будто над городом опустился стеклянный колпак. К полудню стены дома успевали прогреться насквозь и теперь медленно отдавали накопленное тепло комнатам. Казалось, от них пахло сухой штукатуркой и старой пылью.

Я лежала поперёк кровати, закинув босые ноги на стену и свесив голову с края матраса. В таком положении кровь прилиwała к вискам, зато прохладная простыня хотя бы ненадолго касалась затылка. Волосы тяжёлой тёмно-красной волной стекали к полу; несколько прядей прилипли к влажной шее. Я лениво отлепила одну, но через секунду она вернулась на место.

Занавески были задёрнуты с самого утра. За ними белым огнём горело распахнутое окно, однако ни единого сквозняка в комнату не проникало. Тюль висел неподвижно. Воздух был густым, прогретым, с запахом нагретого асфальта, выхлопных газов и липы, которая росла у самого подъезда. На тумбочке стоял стакан воды. Лёд в нём давно растаял, по стеклу уже не ползли капли, а сама вода стала неприятно тёплой.

Двор жил так, будто жара никого, кроме меня, не касалась. Дети визжали у ржавой качели; мяч с глухим ударом попадал в стену гаража, и чей-то мальчишеский голос каждый раз требовал пас. По дороге лениво проползали машины, шурша шинами по размякшему асфальту. Из окна напротив доносилась одна и та же песня — сосед включил её уже в третий раз, и басы монотонно дребезжали в оконной раме. В листве надрывались птицы. А прямо под моим окном, на лавочке, переговаривались соседские старушки. Их голоса то сливались с дворовым гулом, то вдруг поднимались над ним особенно отчётливо, стоило разговору коснуться чего-нибудь по-настоящему важного: чужого развода, цен на помидоры или недостаточной длины чьей-то юбки.

Я смотрела в потолок, на тонкую трещину у люстры. За последние полчаса успела проследить её от начала до конца и решить, что она похожа то ли на русло высохшей реки, то ли на молнию.

Когда же это кончится?

Мысль прозвучала устало, без надежды на ответ.

Меня зовут Алина Аверина, мне двадцать один. По утрам я работаю в ресторане при гостинице: ношу тарелки, улыбаюсь сонным постояльцам и делаю вид, будто меня не раздражает звон приборов и запах подгоревшего масла, который въедается в форму. Учёбу я пока отложила. Мне хотелось оплатить её самой — не из красивого упрямства, как считала мама, а потому, что я слишком хорошо помнила её вечера над счетами: очки на кончике носа, карандаш в руке, долгие паузы перед каждой цифрой. Она несколько раз пыталась меня переубедить. Я несколько раз обещала подумать. На этом мы молча сошлись.

Тёмно-красные волосы были, пожалуй, единственным, что я сознательно сделала заметным. Свой цвет казался мне бесхарактерным, а этот — глубокий, винный — менял лицо и особенно подчёркивал тёмно-голубые глаза. Мама говорила, что краска портит волосы. Кира говорила, что цвет делает меня похожей на женщину с тайной. Тайны у меня не было, но сравнение мне нравилось. В остальном я не слишком выделялась: невысокая, стройная, привыкшая проводить смену на ногах и потому выносливее, чем могла показаться. По крайней мере, в любую погоду, кроме этой.

В дверь постучали — два коротких удара, потом третий, нетерпеливый. Так стучала только Кира: для приличия, не дожидаясь разрешения войти.

Я приоткрыла один глаз. Ручка уже опускалась.

— Если ты пришла сообщить, что на улице стало ещё жарче, можешь уходить.

Дверь распахнулась. На пороге стояла моя старшая сестра, свежая и собранная так, словно за дверью была не раскалённая улица, а мягкое апрельское утро. От неё пахло цитрусовыми духами и лаком для волос.

Кира была старше меня всего на два года, но иногда между нами будто помещалась целая жизнь. Она умела просыпаться красивой, не мять одежду и находить повод выйти из дома даже тогда, когда плавилась подоконники. Светлые волосы она заплела в две аккуратные косы до плеч. В больших голубых глазах уже светилась какая-то идея — почти наверняка касавшаяся меня и потому опасная. Когда Кира улыбалась, люди невольно улыбались в ответ. Я тоже. Обычно.

Она была мне не просто сестрой. Человеком, которому я могла позвонить среди ночи и сначала молчать, а объяснять потом. В детстве, когда родители ссорились на кухне, Кира забиралась ко мне под одеяло и рассказывала бессмысленные истории, пока голоса за стеной не стихали. Наверное, поэтому даже её самые раздражающие привычки я переносила дольше, чем позволила бы кому-либо другому.

Сейчас она оглядела комнату, остановила взгляд на мне и медленно упёрла ладонь в бок.

— Ты собираешься пролежать так весь день?

— Это не лежание. Это способ пережить природную катастрофу.

— Между прочим, кто-то обещал пойти со мной на распродажу.

Я отвела взгляд к потолку, словно трещина могла подтвердить моё алиби.

— Кто-то был молод, наивен и не видел прогноз погоды.

Кира подошла к окну, выглянула во двор и тут же отпрянула от солнечного света, на секунду зажмурившись. Но капитуляцией это не стало.

— Тебе самой не мешает купить что-нибудь летнее. У тебя половина шкафа — джинсы, вторая половина — ещё одни джинсы.

— Есть ещё форма.

— Великолепно. Джинсы, кеды и форма гостиничного ресторана. Гардероб женщины, которая окончательно отказалась от радостей жизни.

— Зато мне не приходится полтора часа решать, в чём вынести мусор.

Она посмотрела на меня с притворной обидой, потом без предупреждения распахнула шкаф. Плечики сухо застучали о перекладину. Кира перебирала вещи быстро и уверенно, как хозяйка магазина, недовольная работой продавца.

— Всё, вставай. Идём покупать тебе летнюю одежду.

— Буду лежать, — сказала я, хотя уже понимала, что проиграла. — Слишком жарко даже для сопротивления.

— Поэтому ты и наденешь шорты.

Она вытащила их с нижней полки, следом нашла светлую майку, а затем потянулась на носках к босоножкам, стоявшим наверху. Одна коробка опасно качнулась. Я машинально приподнялась, но Кира поймала её локтем, победно фыркнула и бросила всё выбранное на кровать. Босоножка угодила мне в живот.

— Пять минут, Алина.

— Десять.

— Семь. И это моё последнее предложение.

Она села на край кровати, оставив мне ровно столько места, чтобы переодеться, и сразу заговорила о Максе. По тому, как она старалась произнести его имя небрежно, было ясно: весь поход затевался в том числе ради возможности рассказать о нём ещё раз.

— Он милый. Правда. Ему семнадцать, но выглядит старше.
Я замерла с майкой в руках и медленно выглянула из-за ткани.

— Кира.

— Что? Я просто сказала, что он выглядит старше. И он очень воспитанный.

— Безусловно. Наверняка сам заправляет кровать перед школой.

Она сжала губы, подавляя улыбку, и поправила косу.

— Иногда он ведёт себя странно. Постоянно оглядывается, смотрит по сторонам. Будто ждёт, что за ним кто-то следит.

На мгновение её голос стал тише. Я заметила это, как заметила и то, что она отвела глаза. Под шутливой интонацией пряталось лёгкое беспокойство, которого Кира пока не хотела признавать.

— Может, он боится, что его мама увидит с такой взрослой девушкой и лишит карманных денег?

Кира резко повернулась ко мне.

— Очень смешно.

— Я серьёзно. Ты уточнила, до которого часа ему разрешают гулять?

В меня полетел плюшевый заяц. Я поймала его одной рукой и прижала к груди, заслоняясь от возможной второй атаки. Мы обе не выдержали и рассмеялись. Напряжение исчезло так быстро, будто его и не было, но имя Макса я всё-таки запомнила вместе с этой короткой паузой.

Пока я собирала волосы в высокий хвост, Кира успела пересказать, где они познакомились, что он написал ей утром и как долго выбирал между двумя смайликами. Я слушала вполуха, умывая лицо холодной водой. Холодной она была секунды три, потом из крана снова потекла тёплая. На внутренней стороне запястья остался запах дешёвого мыла с ароматом зелёного яблока.

Мы вышли из квартиры. В подъезде было сумрачно, но не прохладнее: нагретый воздух стоял между этажами, смешиваясь с запахом пыли, кошачьего корма и вчерашнего табака. На первом этаже хлопнула дверь, где-то за стеной зазвонил телефон.

На улице солнце ударило в лицо так резко, что я остановилась на пороге. От асфальта поднималось марево. Металлическая ручка двери обожгла ладонь, и я тут же её отпустила.

— Какая прекрасная идея, — пробормотала я. — Давай ещё медленно прогуляемся по самой солнечной стороне.

— Не преувеличивай.

— Я чувствую, как у меня испаряются последние жизненные силы.

Кира рассмеялась и надела солнечные очки.

— Ты в двадцать один ворчишь убедительнее деда.

Возле подъезда нас уже заметили. На лавочке в узкой тени липы сидели четыре соседки. Рядом с ними стояла сетка с кабачками, у чьих-то ног дремала лохматая собака, изредка постукивая хвостом по земле. Пахло разогретыми досками, укропом и сладковатым кремом от комаров.

— Смотрите-ка, девочки идут, — первой оживилась тётя Валя.

Мы с Кирой одновременно замедлили шаг. Пройти мимо, не остановившись, означало нанести международное оскорбление.

— Совсем взрослые стали, — подхватила другая.

— Какие невесты!

— Женихи-то есть?

Кира улыбнулась своей безупречной улыбкой. Я почувствовала, как уголок моего рта дёрнулся в более скромной версии вежливости.

— Мы в ваши годы уже замужем были, — сообщила тётя Валя, поправляя платок. — И дети имелись.

— Двое, — уточнила соседка рядом, будто речь шла о норме выработки.

Вопросы сыпались один за другим. Где работаем, сколько получаем, почему редко видят маму, не похудела ли я и зачем Кира снова заплела косички. Мы отвечали коротко, переглядываясь в паузах. Кира едва заметно качнула головой в сторону дороги. Я поняла: при первой возможности бежим.

Возможность появилась в лице нашего соседа.

Он вышел из-за угла и направился к подъезду, не торопясь, но и не задерживаясь. Высокий, в тёмной футболке, совершенно неподходящей для такой погоды. Светлые волосы на солнце казались почти серебряными. Проходя мимо лавочки, он чуть склонил голову.

— Добрый день.

Голос у него был негромкий, низкий. Он не посмотрел ни на нас, ни на старушек дольше, чем требовала вежливость, и через секунду дверь подъезда закрылась за его спиной с тяжёлым металлическим стуком.

Повисла короткая, выразительная пауза.

— Ох уж этот Егор, — вздохнула тётя Валя.

— Взрослый мужчина, а жизни никакой.

— Совсем один.

— Некому его вежливости научить. Поздоровался — и будто одолжение сделал.

Пока соседская молва разворачивалась в новом направлении, Кира взяла меня под локоть. Мы попрощались так быстро и ласково, что возразить нам не успели, и свернули за дом.

Только там Кира прыснула. Сначала тихо, прикрыв рот ладонью, потом громче.

— «А женихи есть?» — передразнила она. — Это точно тебя спрашивали.

— Почему сразу меня?

Мой голос прозвучал громче, чем я рассчитывала. Мужчина с пакетом продуктов обернулся; девушка у остановки подняла глаза от телефона. Я понизила тон и сердито поправила сумку на плече.

— Потому что меня они хотя бы видели с парнями. А ты для них — загадка природы. Уверена, они думают о тебе то же, что о Егоре: взрослая девушка, а личной жизни никакой.

Она снова засмеялась. Я смотрела на её довольный профиль и чувствовала, как раздражение поднимается от груди к лицу — жаркое, почти детское. Но вместе с ним пришло и другое, менее удобное чувство. Кира попала туда, куда не собиралась. В последнее время я и сама иногда думала, не превратила ли работу и планы на учёбу в удобное объяснение, за которым можно прятаться от всего остального. От знакомств, от неудачных попыток, от необходимости кому-то довериться.

Я не стала говорить ей об этом.

— Ещё слово, и понесёшь покупки сама.

— Какие покупки? Мы ещё даже не дошли.

— Тем более. У тебя есть время осознать угрозу.

До магазина мы шли минут двадцать, хотя мне казалось, что гораздо дольше. Под босоножками лип асфальт. Автобус, проезжая мимо, обдал нас тёплым воздухом и запахом дизеля. Из открытых окон первого этажа тянуло жареным луком; у киоска с фруктами сладко пахло персиками, уже начавшими портиться на солнце. Кира то и дело отходила в тень, но продолжала утверждать, что погода вполне терпимая.

Над дверью магазина звякнул колокольчик. Холод от кондиционера обрушился на кожу, и я остановилась, закрыв глаза. После улицы воздух казался почти ледяным; по влажным плечам пробежали мурашки. Пахло новой тканью, картоном и резким освежителем с ароматом ванили. В углу гудел огромный вентилятор, поворачивая тяжёлую решётчатую голову из стороны в сторону.

— Я буду здесь, — сказала я.

— Ты даже ничего не посмотришь?

— Я уже нашла вещь своей мечты.

Я встала перед вентилятором. Поток воздуха бил в лицо, трепал хвост и надувал майку на спине. Первые несколько минут я испытывала почти физическое счастье.

Кира исчезла между стойками и вскоре вернулась с ворохом одежды на локте. Потом с ещё одним. Шторка примерочной шелестела, вешалки звякали, продавщица повторяла дежурное «вам очень идёт». Кира выходила то в голубом платье, то в белых брюках, то в комбине-зоне, который, по её словам, был одновременно прекрасным и совершенно непрактичным.

— Ну?

Она поворачивалась перед зеркалом, изучая себя с разных сторон.

— Хорошо.

— Ты на всё говоришь «хорошо».

— Потому что всё хорошо.

— А это?

— Это тоже.

— Ты бесполезна.

— Зато честна и нахожусь рядом с вентилятором.

В какой-то момент она сунула мне в руки платье цвета тёмной сливы и велела примерить. Я хотела отказаться, но ткань оказалась прохладной и мягкой. В примерочной я посмотрела на себя в зеркало: платье подчёркивало талию, открывало плечи, делало волосы ещё темнее. На секунду я увидела не официантку после смены и не младшую сестру Киры, а женщину, которая вполне могла куда-то пойти вечером — не по делу, не на работу, не потому, что её заставили.

Это ощущение смутило меня сильнее, чем собственное отражение. Я сняла платье слишком поспешно.

— Берём, — сказала Кира, едва увидев моё лицо.

— Нет.

— Именно поэтому берём.

Спор закончился тем, что платье оказалось в общей куче. Через полтора часа у кассы выросла батарея коробок и пакетов, большая часть — Кирина. Продавщица пробивала покупки, машинка выплёвывала длинный чек, а я смотрела на итоговую сумму и мысленно подсчитывала, сколько гостиничных завтраков нужно подать, чтобы столько заработать.

Когда мы вышли, солнце уже клонилось к крышам. Жара не исчезла, но стала мягче; в воздухе наконец появилось движение. Где-то далеко ворчал гром, хотя небо над нами оставалось чистым.

Кира вручила мне две коробки и несколько пакетов. Ручки сразу впились в пальцы. Верхняя коробка закрывала половину обзора, и я шла, выглядывая из-за неё то справа, то слева.

— Напомни, почему твой воспитанный Макс не помогает тебе носить покупки?

— Он занят.

— Контрольной?

Она показала мне язык и тут же вернулась к телефону. Одной рукой Кира держала пару лёгких пакетов, другой набирала подругу. Ей необходимо было немедленно сообщить, что она купила, от чего отказалась, что едва не купила и что купит, если вещь не исчезнет до пятницы. Я слышала обрывки разговора из-за коробок и только качала головой.

Бумажные ручки резали ладони. На одном перекрёстке мы остановились, и я переставила пакеты, пытаясь вернуть чувствительность пальцам. Из двора донёсся запах политой земли — кто-то щедро залил клумбу, и этот влажный, тёмный аромат на мгновение напомнил мне лето у бабушки. Мне было девять: гроза только прошла, мы с Кирой босиком выбежали в сад, и грязь прохладно разъезжалась между пальцами. Тогда жара всегда заканчивалась дождём. Теперь мне почему-то казалось, что город разучился остывать.

К дому мы добрались к началу вечера. Лавочка опустела: рядом осталась только забытая пластиковая бутылка да продавленная подушка. У соседок начинались сериалы — единственное обстоятельство, способное прервать наблюдение за двором.

В подъезде наши шаги сразу отзывались гулким эхом. Кира пошла впереди, легко переступая ступени, а я поднималась следом, время от времени задевая коробкой стену. На втором этаже пахло супом и свежей краской. За одной дверью спорили мужчина и женщина, за другой звенела посуда. Чем выше мы поднимались, тем отчётливее становился табачный запах.

Наш дом был трёхэтажным, но лестница над последним этажом продолжалась ещё на один пролёт и заканчивалась маленькой площадкой с окном. Когда-то там, вероятно, собирались хранить хозяйственный инвентарь. Жильцы приспособили её под курилку: поставили жестяную банку для окурков, подоконник покрыли круглыми следами от чашек, а на стенах со временем появились номера телефонов, признания в любви и советы разной степени непристойности. Никто особенно не возражал. Дым всё равно уходил в приоткрытое окно, а лестничные разговоры давали дому больше новостей, чем лавочка во дворе.

Кира уже поднялась на наш этаж, когда я только показалась из-за поворота. Она вдруг остановилась. Я, не видя дороги за коробками, едва не налетела на неё.

У окна стоял Егор Князев.

Он курил, опираясь плечом о стену. Окно было распахнуто, и редкий вечерний ветер шевелил его почти белые волосы. Дым вытягивался наружу тонкой лентой, но запах всё равно держался на площадке — горький, сухой, смешанный с запахом нагретого дерева. Услышав нас, сосед повернул голову.

— Привет, сосед! — Кира подняла руку и помахала ему так радостно, будто они расстались не утром у подъезда, а несколько лет назад на вокзале.

Он коротко кивнул. Его взгляд скользнул по Кире, по пакетам, потом задержался на мне — точнее, на шаткой башне в моих руках.

— Помочь?

Вопрос прозвучал спокойно. Я почему-то не сразу поняла, что он обращается ко мне.

— Не нужно, — ответила я быстрее, чем следовало.

Он слегка приподнял бровь, но настаивать не стал. Отвернулся к окну и стряхнул пепел в банку.

Я почувствовала необъяснимое раздражение. Не нравился мне этот человек. Возможно, потому, что о нём ничего нельзя было понять с первого взгляда. Он ни с кем не общался, не задерживался во дворе, не участвовал в разговорах на лестнице. Когда он только переехал, мама отнесла ему пирог — свой обычный способ объявить незнакомца частью дома. Егор поблагодарил, пирог взял, но в квартиру её не пригласил. Мама вернулась озадаченная и немного задетая, хотя пыталась это скрыть.

Гостей у него мы не видели ни разу. Только маленького мопса в синей жилетке, которого он выгуливал рано утром или поздно вечером, когда двор пустел. Собака смешно переваливалась на коротких лапах и однажды долго стояла у наших дверей, принюхиваясь к маминой выпечке. Сам хозяин всё это время терпеливо ждал, не натягивая поводок.

Кира называла его «странным экземпляром» и собирала о нём сведения с азартом человека, которому поручили расследование. Благодаря ей я знала, что ему примерно двадцать пять или двадцать шесть, что он работает — неизвестно где, — и что тётя Валя однажды видела его в шесть утра в идеально чистой рубашке. Светлые волосы иногда делали его похожим на рано поседевшего. Высокий, крепкий; по Кириному экспертному заключению — «сложен возмутительно хорошо». Я уверяла, что не рассматривала. Она уверяла, что я вру.

Соседи говорили, будто в первые недели после переезда к нему приходила девушка. Потом она исчезла. Никто не знал, расстались они, уехала ли она или вообще была просто знакомой, но отсутствие фактов никогда не мешало дому создать законченную историю.

Вместо девушки на стене курилки появилась крупная надпись чёрным маркером: «Егор Князев бесполезен. Но надежда всё же есть».

Я каждый раз невольно читала её, выходя из квартиры. Почерк был размашистым и уверенным, последние слова уходили вверх. Надпись выглядела не злой, а почти нежной — так мог написать человек, который слишком хорошо его знал.

Сейчас часть фразы закрывало его плечо.

Кира уже возилась с ключами у нашей двери, негромко напевая. Я поставила коробки на пол и разогнула пальцы. На ладонях остались глубокие красные полосы. За спиной щёлкнула зажигалка — сосед прикурил новую сигарету от старой или просто проверил огонь; я не обернулась.

И всё же, пока Кира никак не могла попасть ключом в замок, я поймала себя на том, что прислушиваюсь. К тишине за спиной. К ровному дыханию. К едва слышному шороху одежды, когда он снова повернулся к окну.

— Ты войти собираешься? — спросила Кира.

Я подняла коробки.

— Если ты когда-нибудь снова возьмёшь меня на распродажу, я перееду.

— К Егору? — шёпотом уточнила она, распахивая дверь.

Я посмотрела на неё долгим взглядом.

Кира беззвучно рассмеялась и юркнула в квартиру, прежде чем верхняя коробка успела полететь ей вслед.

За нашей спиной закрылась дверь. Отрезанный ею лестничный полумрак остался снаружи — вместе с горьким запахом табака, странной надписью на стене и соседом, который предложил мне помощь всего двумя словами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.